

- 37 Там же. № 75. Л. 1—2. Подлинник.
38 Там же. № 76. Л. 1. Подлинник.
39 Там же. № 80. Л. 1—3. Современная копия.
- 40 Там же. № 54. Л. 1—5. Подлинник.
41 Там же. № 70. Л. 1—7. Подлинник.
42 Там же. № 89. Л. 1—7. Подлинник.
43 Там же. № 74. Л. 1—7.
44 Там же. № 91. Л. 1—2. «Список з грамоты».
45 Там же. № 87. Л. 1—6. Подлинник.
46 Там же. № 85. Л. 1—3. Подлинник.
47 Там же. № 16. Л. 1—3. Подлинник.
48 Там же. № 19. Л. 1—3. Подлинник.
49 Там же. № 18. Л. 1—2. Подлинник.
50 Там же. № 29. Л. 1. Подлинник.
51 Там же. № 28. Л. 1—4. Черновой подлинник.
52 Там же. № 14. Л. 1—2. Подлинник.
53 Там же. № 63. Л. 1—4. Современная копия («А подлинное дело резанских дач 198-го году в 19-м столпу»).
- 54 Там же. № 82. Л. 1. Подлинник.

- 55 Там же. № 23. Л. 1—4. Современная копия.
- 56 Там же. № 26. Л. 1—3. Подлинник.
57 Там же. № 43. Л. 1—4. Подлинник.
58 Там же. № 111. Л. 1. Подлинник.
59 Там же. № 60. Л. 1—4. Подлинник.
60 Там же. № 65. Л. 1. Современная копия.
61 Там же. № 92. Л. 1. Подлинник.
62 Там же. № 31. Л. 1—3. Подлинник.
63 Там же. № 71. Л. 1—5. Подлинник.
64 Там же. № 47. Л. 1.
65 Там же. № 100. Л. 1—3. Подлинник.
66 Там же. № 99. Л. 1—5. Подлинник.
67 Там же. № 68. Л. 1—2. Современная копия.
- 68 Там же. № 103. Л. 1—9. Современная копия.
- 69 Там же. № 91. Л. 1—2. Современная копия.
- 70 Там же. № 94. Л. 1—5. Подлинник.
71 Там же. № 9. Л. 1. Подлинник.
72 Там же. № 106. Л. 1—17. Подлинник.
73 Там же. № 101. Л. 1—6. Современная копия.

История архива Военно-топографического дела

А. В. Автократов

История архивного дела в России XIX в. изучена неравномерно. В частности, неполно рассмотрена история Архива Военно-топографического дела (ВТД), являвшегося предшественником и базой дальнейшего развития важнейшего комплекса исторических документов — Военно-ученого архива, входящего ныне в состав ЦГИА СССР. Сказанное нельзя понимать в том смысле, что Архив ВТД вообще обойден вниманием исследователей. Ряд его характеристик дан в нескольких работах. Заметное место ему уделено в одной из глав учебного пособия В. Н. Самошенко¹. И все же общая картина такова, что история Архива ВТД рассматривается как «предыстория» Военно-ученого архива или в контексте деятельности Генерального штаба, а также в свете развития картографии. В данной работе делается попытка расширить круг источников и научной литературы и рассмотреть предпосылки основания и историю Архива ВТД, до его преобразования в 1863 г. в Военно-исторический и топографический архив как самостоятельный предмет исследования.

Ближайшим предшественником Архива ВТД было «Собственное его имп. величества Дело карт», возникшее после того, как Павел I, ураздив в 1796 г. Департамент Генерального штаба, распорядился передать карты, планы и все вообще дела генерал-адъютанту Г. Г. Кушелеву. Первоначально эти документы поступи-

ли в «Чертежную его имп. величества», а с созданием летом 1797 г. Делопрописной канцелярии перешли сюда, составив документальную базу дела. Всего в дело при его учреждении поступило более 20 тыс. документов (графических и текстовых). История этого собрания прослеживается с 1756 г., когда П. И. Шувалов, занявший пост генерал-фельдцейхмейстера и начальника инженерного корпуса, обратил внимание на полнейший недостаток карт и описаний бывших кампаний и положил начало устройству Инженерного архива. В нем полагалось, как отмечал Ф. Ф. Ласковский, хранить планы и профили крепостей, местностей и описания войн². Так было положено начало тому хранилищу, которое послужило основанием Военно-топографическому делу и Военно-ученому архиву³.

В 1757 г. последовало предписание всем инженерным офицерам, независимо от их специализации, составлять маршрутные карты мест, по которым двигались русские войска. Но опыт Семилетней войны (1757—1763 гг.) показал, что для подготовки съемок и карт нужны специальные организации, люди. Поэтому в 1763 г. на базе квартирмейстерской службы было создано Управление Генерального штаба, переименованное в 1765 г. в Департамент Генерального штаба⁴. Его главным занятием в мирное время должны были стать составление карт, производство съемок отдельных губерний, маршрутов и пла-

нов лагерей, а также подробных военно-географических описаний предполагаемых театров военных действий²⁶.

Указ от 1 марта 1772 г. о службе и обязанностях Генерального штаба предписывал планы и дела хранить в Чертежной при Военной коллегии под надзором офицера Генерального штаба. Ему же вменялось в обязанность составлять и содержать в исправности подробную опись этих материалов и не выдавать их никому без разрешения Военной коллегии или генерал-квартирмейстеру (руководителя Генерального штаба). Сам же генерал-квартирмейстер должен был обособить хранение планов военных действий и маршей прежних кампаний, а на будущее организовать разработку маршрутов всех полков из мест их дислокации в пограничных районах. Это установление, считал Н. П. Глиноецкий, положило начало будущему «Военно-топографическому делу как хранилищу не только всех карт, потребных для удовлетворения текущих потребностей военного ведомства, но и военно-исторических материалов»²⁷.

Одной из первых реформ Павла I было упразднение Департамента Генерального штаба и замена его «Свитой его имп. величества по квартирмейстерской части», находившейся вне структуры военного ведомства²⁸. Ее возглавлял, но недолго, А. А. Аракчеев. В начале XIX в. «Собственным е. и. в. Дело карт» руководил генерал-майор этой «свиты» — К. И. Опперман²⁹. Предполагалось, что дело станет не только военным, но и полным государственным архивом карт и планов. Одной из его задач было упорядочение хранимых материалов. Другая задача заключалась в подготовке подробных карт и планов, составлении описаний к ним. Если Генеральный штаб, производивший топографические съемки в XVIII в., не занимался разномасштабными картами, то «Собственное е. и. в. Дело карт» (руководителем карт готовились и хранились обычно в одном экземпляре), то Дело карт должно было издавать их «для общественного употребления»³⁰. В декабре 1798 г. на Дело карт были возложены функции военной картографической цензуры.

Порядок комплектования Дело карт не был точно установлен, хотя еще в августе 1797 г. было указано присылать сюда из всех учреждений беловые копии имеющихся у них карт и планов, в том числе и новейших, только что снятых квартирмейстерской «свитой»³¹. Вскоре в дело поступило значительное собрание карт и планов из императорского Эрмитажа, были приняты карты различных районов России, а также других стран, переданные учреждениями, государственными деятелями, частными лицами, в 1798—1799 гг. значительное собрание поступило от генерал-прокурора кн. П. В. Лопухина³².

Начиная с 1799 г. в дело стали сдавать после завершения каждой войны все дела главных армейских штабов и частично — дипломатические документы³³. В сентябре 1800 г. к Дело карт был присоединен Географический департамент Сената³⁴. В самом начале XIX в. дело пополнилось материалами о русско-турецкой войне 1768—1774 гг., представленными царю Аракчеевым³⁵. Сюда же после смерти Павла I поступили материалы его Кабинета по распоряжению Александра I³⁶. С 1802 г. дело стало ежегодно

получать по тысяче червонцев на приобретение карт и планов, что позволило создать большую коллекцию иностранных мемуаров, карт и планов³⁷.

Возможности комплектования сдерживались недостатком помещения. Дело карт (первоначально оно занимало несколько комнат Зимнего дворца). Но в 1804 г. оно переехало в специально построенное здание на Дворцовой площади.

На рубеже XVIII—XIX вв. перед военным ведомством России встали две важнейшие проблемы: преодоление недостаточной обеспеченности армии точными крупномасштабными картами и необходимость интенсификации составления и сбора описаний предыдущих войн для осмысления опыта применения возникшей в этот период новой тактики. Поэтому, наряду с «Собственным е. и. в. Дело карт», занимавшимся, в основном, топографическими и геодезическими съемками общегосударственного значения, «Свита е. и. в. по квартирмейстерской части» образовала собственное дело, которое занималось военными съемками и картографированием. 21 февраля 1800 г. его возглавил генерал Ф. Ф. Штейнгель³⁸. Таким образом, уже на рубеже XVIII—XIX вв. параллельно существовали два дела карт со смежными задачами по картографированию местности, сбору и хранению графических и военно-исторических материалов. После назначения 31 июля 1801 г. на пост генерал-квартирмейстера П. К. Сухтелена ему было поручено руководство обоими делами³⁹, однако после русско-шведской войны 1808—1809 гг., когда он был назначен послом в Стокгольм, «Собственное е. и. в. Дело карт» осталось в непосредственном подчинении Оппермана, являвшегося одновременно инспектором Инженерного корпуса. «Собственное е. и. в. Дело карт» попало в подчинение к военному министру. Дело карт «Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части» по-прежнему оставалось в этой «свите». Возросшее значение квартирмейстерской части отразилось на внимании к ее делу, особенно с приходом в 1810 г. к управлению «свитой» генерал-адъютанта кн. И. М. Волконского. Собранные дело коллекции карт и планов была упорядочена и каталогизирована поручиком А. Я. Сахновским⁴⁰.

Отражением тенденции к усилению значения военной картографии явилось объединение в январе 1812 г. «Собственного е. и. в. Дело карт» и аппарата «Дело карт Свиты е. и. в. по квартирмейстерской части» в одну организацию — Военно-топографическое дело. По положению о ВТД (28 февраля 1812 г.), оно учреждалось для собирания, составления и хранения картографических материалов, топографических и статистических описаний, журналов и донесений о военных действиях, а также проектов и диспозиций наступательной и оборонительной войн, подготовки на основе собираемых материалов записок и таблиц. Оговорена была и форма комплектования: все учреждения по требованию военного министра были обязаны доставлять в ВТД имеющиеся у них соответствующие дела и записки⁴¹. Директором ВТД был назначен Опперман, хорошо знакомый с этой работой по прежней службе.

В мае 1816 г. ВТД перешло из ведения воен-

ного министра в подчинение начальника созданного в 1815 г. Главного штаба — П. М. Волконского. Он немедленно объединил Архив ВТД с квартирмейстерским Дело карт (архивом)⁴², поручив генерал-квартирмейстеру Главного штаба К. Ф. Толлю сдать в Архив ВТД все имеющиеся в квартирмейстерской части манускрипты и печатные карты, планы, атласы и описания, кроме тех, что нужны по службе⁴³. В том же году Волконский конкретизировал задачи архива и библиотеки ВТД: собирать все печатные географические, статистические сведения и на их основе подготавливать материалы по российской военной истории, географии и топографии⁴⁴. Документы поступали постоянно, но обычно мелкими партиями. Попытаемся дать общую характеристику и наиболее важные моменты этого процесса.

Весной 1826 г. стали поступать бумаги Александра I и его Кабинета. Наибольшими партиями в Архив ВТД были переданы несколько карт, сочинение Маллета о границах польских, планы маневров прусских войск под Берлином в 1821 г., «Вид квартиры его величества в г. Орле» (предпослан художником Чириковым). Затем отсюда же было получено представленное Наполеону в 1807 г. описание Молдавии и Валахии и «Описание Грузии маркиза Паулуччи»⁴⁵. Тогда же поступили собственноручные записки Александра I (Черновики), считавшиеся до 1904 г. секретными⁴⁶. Бумаги из Кабинета Александра I передавались и позднее. Ценнейшими из них явились секретные рескрипты царя М. И. Кутузову⁴⁷. Тогда же, как увидим, началась подготовка к передаче «кабинетских» бумаг XVIII в.

В 1827 г. из Киева были приняты 4 ящика бумаг фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского⁴⁸. В 1828 г. поступило более 100 дел М. Б. Барклая де Толли, уже разобранных в Канцелярии генерал-квартирмейстера «по предметам». Часть их была в конвертах, которые приказывалось хранить в тайне, не распечатывать без приказа начальника Главного штаба. Среди этих материалов находились собственноручные письма царя Барклаю (1812 г.), проекты писем последнего цесаревичу Константину, ежедневные записки Барклая 1805 г. и др.⁴⁹. В том же году поступили документы Барклая де Толли, относящиеся к кампании против французов в 1812—1815 гг.⁵⁰.

В 1826 г. возникло Министерство двора и уделов (министром стал бывший начальник Главного штаба и директор ВТД Волконский), в которое вошел Кабинет е. и. в. С того же времени на базе существовавшего еще с начала XIX в. так называемого «недипломатического отдела» Петербургского архива Коллегии иностранных дел началось интенсивное формирование нового хранилища особо важных политических и секретных дел, в том числе династического характера. Главным источником его комплектования первоначально стал кабинетский архив рукописей⁵¹. Николай I распорядился составить опись этого архива, опираясь на которую можно было бы распределить документы по принадлежности, ведомствам⁵².

Летом 1827 г. начальник только что восстановленного Генерального штаба И. И. Дибич об-

ратился к вице-президенту Кабинета генералу Н. И. Селявику с запросом относительно судьбы хранившихся в Кабинете документов императрицы Елизаветы Петровны и последующих за ней государей. О предстоящей передаче дел Дибичу писал и Волконский⁵³.

Рассматривая опись, составленную под руководством статс-секретаря Д. Н. Блудова, Николай I сделал на ней пометки, в какие ведомства какие дела передать, поручил Блудову дополнительно рассмотреть секретные и заслуживающие особого внимания бумаги (поскольку у Блудова были сомнения, не нарушится ли при разделе архива «некоторая связь» между документами)⁵⁴. Изучение вопроса привело к решению: не раздроблять архив между многими ведомствами.

По указанию царя его разделили на три группы. Одну оставили в Кабинете, другую направили в Государственную коллегию иностранных дел, третью — в Главный штаб, причем имелось в виду, что она будет разделена между архивами ВТД и Инспекторского департамента⁵⁵. Но вопрос был решен сложнее⁵⁶. Когда летом 1828 г. кабинетские документы, предназначенные Главному штабу, поступили в распоряжение нового директора ВТД Ф. Ф. Шуберта (выдающегося картографа), он разделил их по «принципу принадлежности»: Министерству финансов, департаментам Военного министерства (не только Инспекторскому, но и Артиллерийскому, Инженерному, Провиантскому и Комиссариатскому), кадетским корпусам, в Географическое дело Морского штаба и начальнику гвардейских войск в Петербурге для приобщения к архивам гвардейских полков. Оставшиеся бумаги, планы и карты Шуберт принял в Архив ВТД.

Здесь были 37 дел и 51 карта Военного совета при высочайшем дворе, переданные в Кабинет еще в 1778 г. президентом Камер-коллегии кн. М. М. Щербатовым, а также 45 планов и инженерных чертежей неизвестно какого времени. Из группы документов под общим названием «По части военной — сухопутной и морской: доклады, рапорты, донесения, ведомости и записки от разных лиц и команд» были приняты в Архив ВТД 23 «номера», а остальные 137 — направлены в названные выше департаменты. Из всех поступивших тогда в ВТД кабинетских дел в его архив вошли 474 карты, плана и атласа, 945 чертежей, 47 книг и сочинений, 117 разных дел⁵⁷.

В числе наиболее ценных документов, пополнявших Архив ВТД в 1830—1840 гг., отметим поступление важного в научном отношении собрания из Петербургского архива МИД (когда материалы этого архива XVIII в. передавались в Московский архив МИД), переписку особ царствующего дома с гетманом И. И. Скоропадским, переданную из Археографической комиссии. В 1837 г. поступили бумаги фельдмаршала Ф. В. Остен-Сакена, и обер-прокурора кн. А. Н. Голицына. Архиву ВТД тогда же были пожертвованы бумаги покойного П. К. Сухтелена. К числу других ценных материалов, поступивших в период правления Николая I, относились записки Патрика Гордона (на английском яз.) — ценнейший источник о событиях начала царство-

вания Петра I, рукописи П. Г. Буткова по истории Кавказа, воспоминания Толя о событиях 1831 г. и др.³⁸

В то же время делались попытки привести состав архива в соответствие с теми представлениями, которые существовали относительно его профиля. Поэтому, например, дела дипломатического характера, относящиеся к войне с Турцией 1806—1812 гг., были переданы в Петербургский главный архив МИД. В 1830 г. в формирующийся Государственный архив перешла часть фонда генерал-аншефа П. И. Панина, касающаяся боевых действий против пугачевцев³⁹. Были и другие изъятия из состава документов архива.

Во второй половине 1820-х годов была проведена важная работа по совершенствованию листовых каталогов Архива ВТД. Шуберт, ставший директором депо в 1825 г., сразу обратил внимание на каталоги архива, которые не только находились в беспорядке, но и были составлены по системе, не позволяющей осуществлять отчетность и проверку. Он доложил в Главный штаб о необходимости составить новые каталоги: один в качестве журнала, в который вписываются все карты, планы и прочее по мере их поступления в архив, не разбирая по содержанию, а другой — настоящий каталог, в который они вносятся по географическому признаку. В конце 1825 г. проект был утвержден с указанием прибавить к этим каталогам еще алфавитный реестр. Приведение архива «в новый порядок» возлагалось на подполковника В. И. Дуворова с двумя помощниками⁴⁰. Через три с половиной года были подготовлены общий и частный каталоги.

Общий состоял из 16 «волюмов» (томов) и включал более 31 тыс. «номеров». В него вписывались карты по мере их поступления в депо с нарастающей нумерацией, не взирая на содержание. Каждая из них, независимо от количества листов, записывалась под одним номером. К иностранным картам прилагался перевод заглавия на русский язык. Указывались место и год издания (изготовления), масштаб карты, а также сведения о том, по какому предписанию она поступала в архив и по какому выбывала. Этот каталог, являясь учетным документом, был прошнурован и скреплен подписью Шуберта. Частный каталог включал 40 томов. Он назывался так потому, что состоял из частей — разделов, сформированных по роду карт и географической системе. Подчеркивалось, что его единственная задача — служить удобному отысканию и обозрению карт. Поэтому он не был прошнурован. В нем представлены номера шкафов и «портфелей», в которых они хранились, а также номера общего каталога, что обеспечивало связь с учетными данными⁴¹.

Оба эти каталога не сохранились. В 1830 г. отпечатана «Краткая опись Частного каталога ВТД», содержавшая обозрение всех хранящихся в нем документов и предназначавшаяся для удобства пользования им⁴². Это способствовало пропаганде материалов ВТД и интенсификации их использования. Эвристические возможности «Краткой описи» невелики. Она сообщала названия делений частного каталога и количество «номеров» в них. Для архивного поиска необходимо было обращаться к самому частному

каталогу. Однако «Краткая опись» чрезвычайно интересна для понимания состава Архива ВТД и классификационной логики картографа Шуберта и его офицеров. Изучивший эти построения Л. А. Гольденберг признал их крупной вехой в истории классификации карт⁴³.

Вслед за первым изданием «Краткой описи» последовали другие. Первый повторный тираж «с уточнениями» имел место, по-видимому, в 1831 г. Он поступил (может быть, не целиком) в лавку ВТД, находившуюся в здании депо, где обычно продавали географические карты и съемочные инструменты. В ноябре 1832 г. Шуберт просил Нейгардта разрешить сделать набор вновь уточненной редакции и отпечатать 4500 экз. Они предназначались, в основном, Конференции Академии наук для рассылки читателям через «С.-Петербургские и немецкие ведомости». Разрешение было получено⁴⁴. Круг читателей «Краткой описи», как видим, резко расширился.

Из «Предупреждения» к изданию 1842 г. мы видим, что общий каталог Архива ВТД включал уже более 42 тыс. «номеров» (19 томов). Классификационная структура частного каталога сохранялась прежней, но резко возросло количество литературных разделов («продолжений»), и теперь этот каталог состоял уже из 55 томов⁴⁵. Было добавлено несколько классификационных подразделений, например, «Война, введенная французами в Алжирии с 1830 года», в нескольких местах упомянуты отсутствовавшие ранее карты железных дорог.

С 1828 г. ВТД с архивом находилось в составе Генерального штаба. Штаб ВТД состоял из начальника и его помощника (офицеры), двух переплетчиков, четырех наклеивщиков карт. Этот же состав сохранялся и в последующие годы⁴⁶.

В задачи архива в соответствии со штабными 1832 г. входили хранение и сбережение карт, планов, составление каталогов, выписывание из-за границы вновь издаваемых карт, снабжение армии нужными картами⁴⁷. Данная установка отдавала явный приоритет картографическим материалам, как в вопросах хранения и комплектования архива, так и использования (обеспечение войск «нужными картами» было формой их использования). Что же касается рукописных материалов, то их наличие и хранение обобщалось сокращением «и проч.». Это отражало главное функциональное назначение ВТД, архив которого был всего лишь его подразделением и, безусловно, отвечало взглядам самого Шуберта, который, будучи выдающимся картографом, оставался чуждым вопросам изучения военной истории как таковой. Несмотря на это, в Архив ВТД рукописные военно-исторические документы продолжали поступать как до, так и после 1832 г., хотя никакой закономерности, чего-то похожего на план комплектования не было.

Из материалов, поступивших после 1832 г., особенно выделялись собрания бумаг П. К. Сухтелена и военного историка А. И. Михайловского-Данилевского, включавшие его записки, материалы участников военных событий, рукописи научных трудов о войнах России с Турцией, Швецией и Францией в начале XIX в. Однако никаких нормативных установок в отно-

шении приема в Архив ВТД документов личного происхождения не было и не могло быть, поскольку они являлись собственностью владельцев.

Для приобретения иностранных карт ежегодно выделялось целевым назначением «500 червонных, получаемых из Кабинета»⁴⁸. Но ВТД имели и другие средства — для покупки документов у русских поданных. Например, в 1833 г. было куплено собрание карт сенатора П. И. Нейгардта за скупительно вычисленную сумму 3699 руб., причем сначала было выплачено 699 руб., а остальные выдавались равными долями в течение пяти лет⁴⁹. Имеются и другие сведения о покупках документов. Но более интересны сводные данные. Так, в 1850 г. в архив поступило более 3 тыс. карт и планов (не только иностранных), а «тетрадей и книг» — всего около 300. По данным 1851 г. в архиве количество картографических материалов превысило 47 тыс.⁵⁰. В 1857 г. в Архиве ВТД хранилось 54537 «номеров» — топографических карт, планов, книг, разных описаний, каталогов, а также досок — гравированных, математических и медалей⁵¹.

В 1850-е годы в архиве проводилась большая работа по систематизации и перемещению документов. Как докладывал перед ее завершением в 1862 г. начальник архива полковник А. В. Ракин (член Географического общества), ее необходимость вызвана тем, что со времени учреждения архива до 1851 г. никакой систематизации самих документов не было⁵². Как отмечалось, порядок учета, введенный при Шуберте, предусматривал лишь регистрацию поступлений в общий каталог без физического распределения документов по разделам и подразделам частного каталога, т. е. классификация частного каталога не влияла на порядок хранения. Используя библиографическую терминологию, можно сказать, что при Шуберте в архиве действовала инвентарная система расположения картографических и других документов⁵³, что не могло не создавать множества преград в процессе поиска документов.

Из докладной записки Ракина «Обзор настоящего положения и положение будущих дел в Архиве Военно-топографического депо» видно, что в 1851—1857 гг. были приведены в систематический порядок и каталогизированы материалы, относящиеся к России. Кроме «чистов архива» этим занимались 10 прикомандированных офицеров и 20 топографов (унтер-офицеров). С 1858 г. начались рассмотрение и укладка иностранных материалов, а также составление новых каталогов⁵⁴.

Как и другие архивисты XIX в., Ракин систематическим порядком считал логическую систематизацию по предметному (в широком смысле слова) признаку. В его «Обзоре» сказано, что материалы архива хранятся в 325 шкафах, а каталоги ведутся общие, куда материалы записываются в соответствии со временем поступления в архив, и частные, в которых материалы регистрируются в том порядке, в каком они лежат в шкафах: по государствам, областям, с подразделением на разнообразные предметы в хронологическом порядке и по алфавиту⁵⁵.

Как явствует из доклада Ракина, шубертов-

ская классификация была сохранена (во всяком случае, в своей основе), но размещение дел в шкафах приведено в соответствие с классификацией. Конечно, это сопровождалось дальнейшим дроблением архивных фондов и коллекций (но в большинстве случаев их обрывков; поскольку в целом виде в Архив ВТД они обычно не принимались), продолжавшихся до 1850-х годов «храниться рядом», поскольку они располагались в порядке поступлений. Восстановление фондов в духе принципа происхождения было невозможно не только потому, что теоретический арсенал архивоведения в середине XIX в. был беден и понятия фонда еще не существовало, а научной архивной классификацией считалось предметное деление материалов. Надо учитывать также, что географический признак деления эвристически удобен для картографических материалов и поддерживается современной наукой⁵⁶.

В то же время преодоление разрыва между абстрактной логической классификацией и фактическим порядком хранения материалов способствовало ускорению и повышению точности поиска, улучшению постановки учета и сохранности материалов. Архив стал упорядоченным собранием ряда групп материалов, которые можно рассматривать как достаточно четко оформленные коллекции.

С конца 30-х годов XIX в. ВТД стало издавать свои «Записки». С 1847 г. в них помещают документы из Архива ВТД. Это отражало общий подъем интереса к публикации исторических документов в России середины XIX в., в частности, ощутимые результаты публикационной деятельности Археографической комиссии. Однако офицеры ВТД не имели археографической подготовки, не снабдили опубликованные тексты комментариями и архивными шифрами. Но сами документы были чрезвычайно интересны.

Вся архивная работа возлагалась в Архиве ВТД на двух офицеров. Ее объем был велик. В 1847 г. директор депо П. А. Тучков рапортовал, что в архиве ежедневно совершаются непрерывные приемы и выдача материалов, требующие неустанныго наблюдения, чтобы не затерялись выданные листы. Постоянно ведутся работы по распределению и расписанию (описанию) новых материалов, поступающих в значительном числе. Необходимую помощь «для писем» и обслуживания хранилищ много лет оказывали два прикомандированных (нештатных) унтер-офицера «из иллюминационных» (так в ВТД назывались специалисты по раскрашиванию карт)⁵⁷.

М. О. Бендер отмечал, что в делах архива не сохранилось имен первых его начальников времен ВТД. Списки их удалось установить лишь с 1842 г., когда был назначен полковник Генерального штаба Искрицкий (1842—1848 гг.)⁵⁸. Перечисляя преемников Искрицкого, Бендер не указал полковника Ракина и допустил отдельные неточности в датах.

А. А. Искрицкий управлял архивом не с 1842 г., а с августа 1840 г. В отставку он ушел в августе 1848 г.⁵⁹. В сентябре того же года начальником архива стал полковник Т. И. Гарин, являвшийся одновременно инспектором Школы топографов. Начальство полагало, что по опы-

ности своей и аккуратности он вполне может совмещать эти должности. Это совмещение прекратилось только за два дня до увольнения. Гарина в отставку в мае 1857 г.⁵⁰ На его место был назначен подполковник Генерального штаба Ракин (в 1862 г. упоминается как полковник⁵¹), которого сменил в 1863 г. полковник И. И. Ореус⁵². Но с этого времени Архив ВТД был преобразован в Военно-исторический и топографический архив.

Что же касается предшественников Искрицкого, то сведения о них неполны. В 1816 г. начальником архива являлся полковник П. О. Дериярд, у которого были два помощника. Им вменялся надзор над архивом карт и планов, содержание их в надлежащем порядке и составление служебных выписок⁵³. Дериярд упоминается в той же должности в 1827 г.⁵⁴ В 1833 г. во главе архива стоял полковник Геллер⁵⁵.

В 1846 г. ВТД и его архив переехали в специально для них построенное здание, в котором залы архива, по мнению современников, «были совершенно обеспечены от пожара»⁵⁶. Но условий труда были плохими. Зимой в помещениях было очень холодно (каменные полы), что вынудило в 1846 г. директора депо распорядиться о покупке четырех ковров. Но особенной бедой являлся состав воздуха в Архиве ВТД. В декабре 1847 г. Искрицкий докладывал: «...По мнению докторов и по собственному моему убеждению, воздух, которым дышу я в Архиве Военно-топографического депо, имеет вредное влияние на мои легкие... дальнейшее служение мое в архиве сопряжено с неминуемой для меня опасностью»⁵⁷. Положение не изменилось и через 14 лет. В январе 1860 г. Ракин писал, что в Архиве ВТД «...воздух весьма вредный, ядовитый, сушит мозг и легкие, развивает чахотку, сокращает жизнь. Эта смесь газов происходит от сухого испорченного воздуха амосовских печей и гниения огромного количества клея, содержащегося в картах, переплетах и портфелях». Подобные жалобы повторялись и впоследствии⁵⁸.

В таких же условиях находились лица, допускавшиеся к занятиям с архивными материалами. Вопрос о выделении для них особого помещения перед руководством ВТД ставили Искрицкий, а затем Гарин и Ракин. Последний предлагал в 1862 и 1863 гг. переоборудовать для этих целей одну из комнат наклеивной мастерской⁵⁹. Но это предложение не было принято, что объясняется, скорее всего, нежеланием оставлять посторонних наедине с материалами. Документы Архива ВТД считались исключительно важными «сокровищами»⁶⁰, многие из которых содержали военную тайну. Именно поэтому «Положение об управлении Архивом Военно-топографического депо» 1846 г. установило: кроме начальства Департамента Генерального штаба и ВТД, «...никто через архив не ходит. Лица, пользующиеся материалами архива, тотчас по получении оных возвращаются на свои места»⁶¹.

Особый режим устанавливался для посторонних лиц, допускавшихся по разрешению высшего начальства (какого именно, не говорилось) для наведения разных справок. Они должны были являться в архив, обязательно

пройдя через помещение ВТД, предъявив заранее полученную «контрамарку». Им предписывалось приходить не ранее 11 часов утра, а кончать занятия не позже 2 часов дня, чтобы избежать «замешательства и беспорядков в выдаче и отобрании материалов»⁶². Ограничение во времени вызывалось, конечно, крайней недостаточностью персонала архива.

В таких условиях вести глубокое изучение документов было трудно. Поэтому Положение разрешало «в случае продолжительной надобности» отпускать из архива рукописные материалы для нужд ВТД и Департамента Генерального штаба. Предусматривалось также, что по «высочайшему разрешению» Архив ВТД должен предоставлять заинтересованным лицам или управлениям «листы съемок, военных рекогносцировок и планы сражений, секретные сведения и все вообще рукописи»⁶³. Налицо, казалось бы, противоречие между строгостью режима работы с материалами в самом архиве и практической бесконтрольностью обращения с материалами, выданными на сторону. Дело в том, что в последних случаях выдача совершалась по монаршей воле, являясь высшей степенью доверительности, а пользователи являлись безусловно благонадежными людьми. Но секретные дела им не выдавались.

По материалам Архива ВТД работал ряд военных историков, написавших труды по русской военной истории (Д. П. Бутурлин, А. И. Хатов, А. И. Михайловский-Данилевский, М. И. Богданович, Д. А. Милютин и др.⁶⁴). Однако общее предназначение архива виделось Военному министерству в том, что он обязан преимущественно перед всеми другими требованиями удовлетворять Военно-топографическое депо и Департамент»⁶⁵.

Оставаясь в целом неизменной, эта установка на рубеже 50—60-х годов XIX в. подвергалась серьезным испытаниям. Произошла резкая интенсификация использования материалов архива в общедоступных интересах. Полковник Ракин писал об этом так: «С 1857 г., с пробуждением вообще государственной, общественной и частной деятельности в России употребление материалов из этого архива увеличилось в 10 раз». Конкретизируя, Ракин сообщал, что материалы использовались не только для составления новых карт, но и «государственных соображений и распоряжений разных ведомств, снабжения экспедиций, проектирования железных и других дорог, телеграфов... и проч.»⁶⁶.

Начальник архива не имел права самостоятельно допускать исследователей к занятиям с материалами. Но Ракин этого правила придерживался не всегда, что вызывало недовольство директора ВТД. В январе 1863 г. он в очередной раз напоминал, что выдавать дела можно только с его устного или письменного разрешения⁶⁷.

На протяжении всего существования ВТД производилась продажа дублетных карт. Их приобретали учреждения и частные лица, в основном, помещики⁶⁸. В 1863 г. Главный штаб прекратил эту практику. Карты Архива ВТД отныне разрешалось приобретать только штабам военных округов «...по материальной цене ... для

казенного употребления, ежегодно в одном экземпляре»⁶⁹. Возможно, это было проявлением борьбы с утечкой картографической информации.

60—70-е годы XIX в. ознаменованы проведением в России важных военных реформ⁷⁰. Они были тесно связаны с деятельностью Д. А. Милютина — крупного ученого в области военной администрации, географии и статистики, русской военной истории. Возглавив в 1861 г. Военное министерство, Милютин начал с совершенствования центрального военного аппарата. В частности, Департамент Генерального штаба был преобразован в 1863 г. в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ). Тогда же Архив ВТД, получивший название Военно-исторического и топографического архива, перешел в непосредственное ведение управляющего Военно-топографической частью ГУГШ. Новое название четко выдвинуло на первое место военно-историческое предназначение архива. Однако в нем хранилось большое количество топографических карт, причем тиражированных, имевших оперативное значение. Это объясняет сохранение в названии архива слова «топографический»⁷¹. Назрела необходимость разделения архива. Это произошло через несколько лет.

Подводя итоги, отметим, что история Архива ВТД представляет собой определенный этап развития отечественного архивного дела. Ком-

плектование этого хранилища имело свою специфику. Анализ выявленных в фондах ЦГВИА СССР источников показывает, что Архив ВТД, как и его предшественник — Депо карт, настойчиво стремился к полноте сбора картографических материалов и сопутствующих им текстовых описаний, но проявлял четко выраженный выборочный подход к приему военно-исторических рукописей. В результате этой деятельности в Архиве ВТД сформировался большой комплекс картографических и рукописных материалов выдающегося научного значения.

Во второй половине 20-х годов XIX в. была разработана логическая классификационная схема материалов, не совпадающая с реальным расположением карт и рукописей в хранилище (каталог 1830 г.). В 50—60-е годы прошлого века систематизация материалов была приведена в соответствие с этой схемой, в результате чего оформился ряд коллекций. Теперь становятся понятными истоки классификации материалов ВУА, сохранившейся до настоящего времени.

В середине XIX в. резко возросло использование материалов архива, причем не только в интересах картографии, но и для разработки «соображений» по управлению государством и развитию народного хозяйства. С началом милютинских реформ ясно обозначилось основное его назначение: стать военно-историческим архивом.

¹ См., напр.: Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. СПб., 1883—1894. Т. 1—2; [Бендер М. О.] Военно-ученый архив Главного управления Генерального штаба // Военная энциклопедия. СПб. Изд. И. Д. Сытина. Б. г. Т. 6; Кузнецов Ф. Е. Фонды центральных государственных военных архивов и их научное значение // Труды ИАИ. М., 1948. Т. 4 (автор этой интересной работы, к сожалению, не дал ссылок на использованные источники — А. А.); Бескровный Л. Г. Значение документов ЦГВИА СССР для развития военной историографии // Советские архивы. 1969. № 4; Салищев К. А. Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943; Он же. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948 (в дальнейшем сноска на эти работы даны сокращенно: Салищев К. А. 1943 г., Салищев К. А. 1948 г.); Самошенко В. Н. Исторические архивы до-reволюционной России. М., 1986.

² См.: Копии с Высочайших е. и. в. приказов, отданных при parole его имп. высочеству Александру Павловичу 7 ноября 1796 — 31 декабря 1797 гг. В. м., 1797. С. 104.

³ См.: Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865. Ч. 3. С. 679—681.

⁴ См.: Глиноецкий Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 29.

⁵ Салищев К. А. 1948 г. С. 162.

⁶ См.: Там же. С. 163.

⁷ Глиноецкий Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 84—85.

⁸ См.: 1-е ПСЗ. Т. 24. № 17549; Само-

⁹ ЦГВИА СССР. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7037. Л. 2 об., 4.

¹⁰ Салищев К. А. 1943 г. С. 168; Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 167.

¹¹ См.: Салищев К. А. 1948 г. С. 164.

¹² См.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. С. 475.

¹³ См.: [Бендер М. О.] Указ. соч. С. 556.

¹⁴ См.: 1-е ПСЗ. Т. 26. № 19607. С. 347.

¹⁵ См.: Глиноецкий Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 207; Иконников В. С. Указ. соч. С. 475—476.

¹⁶ ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 20. Л. 50 об.

¹⁷ См.: [Бендер М. О.] Указ. соч. С. 555.

¹⁸ ЦГВИА СССР. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7037. Л. 23; Л. 75 об. — 76, 87 об. — 88, 121 об. — 122, 129 об.

¹⁹ См.: Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 4. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. С. 205.

²⁰ См.: Глиноецкий Н. П. Указ. соч. С. 218.

²¹ См.: 1-е ПСЗ. Т. 32. № 24971. С. 38.

²² См.: Глиноецкий Н. П. Указ. соч. Т. 1. С. 291; ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 10. Д. 1. Л. 10 об.

²³ ЦГВИА СССР. Ф. 37. Оп. 1. Св. 5. Д. 51. Л. 2—3, 6—9 об.

²⁴ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1920. Л. 35—35 об.

²⁵ Там же. Л. 13, 16, 18, 19, 25, 27, 29, 32, 33, 37.

²⁶ Там же. Ф. 800. Оп. 1. Д. 295. Л. 5.

²⁷ См.: Самошенко В. Н. Указ. соч. С. 83.

- ²⁸ ЦГВИА СССР. Ф. 37. Оп. 1. Св. 18. Д. 211. Л. 1—2, 19, 24, 34, 46.
- ²⁹ Там же. Св. 16. Д. 183. Л. 1—13.
- ³⁰ Там же. Св. 3. Д. 27. Л. 8.
- ³¹ Подробнее см.: Кононов Ю. Ф. Из организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи // Труды МГИАИ. М., 1957. Т. 8; Автократова М. И., Буганов В. И. Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 49—59.
- ³² ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.
- ³³ Там же. Л. 1—2, 3—3 об.
- ³⁴ Там же. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Д. 276. Л. 3.
- ³⁶ См.: Кононов Ю. Ф. Указ. соч. С. 292.
- ³⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 1. Д. 112. Л. 19—23.
- ³⁸ См.: Иконников В. С. Указ. соч. С. 475; Кузнецов Ф. Е. Указ. соч. С. 80.
- ³⁹ См.: Самошенко В. Н. Указ. соч. С. 84; Автократова М. И., Буганов В. И. Указ. соч. С. 55.
- ⁴⁰ ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 1, 3, 18, 139—139 об.,
- ⁴¹ Там же. Л. 121 об., 139—139 об.
- ⁴² Там же. Л. 155 об.
- ⁴³ См.: Гольденберг Л. А. Картографические материалы и их классификация (XVII—XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7. С. 343.
- ⁴⁴ ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 157; Записки Военно-топографического депо. СПб., 1837. Т. 1.
- ⁴⁵ См.: Опись частного каталога Архива Военно-топографического депо. СПб., 1842.
- ⁴⁶ Глинбецкий Н. П. Указ. соч. Т. 2. С. 154; ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 6. Д. 1. Л. 15 об.—32 об.; Д. 41. Л. 12 об., 25.
- ⁴⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 6. Д. 1. Л. 30.
- ⁴⁸ Там же. Л. 9.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 40. 1. Д. 16. Л. 122—123 об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 492. Оп. 1. Д. 34. Л. 133.
- ⁵¹ Там же. Ф. 38. Оп. 2. Д. 1167. Л. 8.
- ⁵² Там же. Ф. 492. Оп. 1. Д. 37. Л. 42.
- ⁵³ Причем в так называемой «крепостной форме», где за каждым документом твердо закреплялось строго определенное место: шкафа, портфель.
- ⁵⁴ Там же. Л. 42—42 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 42.
- ⁵⁶ Сотникова С. И. К вопросу о классификации архивных картографических документов // Проблемы классификации в архивоведении и документоведении. Сб. научн. трудов ВНИИДАД. М., 1987. С. 96, 99, 106 и др.
- ⁵⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 38. Оп. 2. Д. 431. Л. 11—12 об.
- ⁵⁸ См.: Бендер М. О.] Указ. соч. С. 557.
- ⁵⁹ ЦГВИА СССР. Оп. 2. Д. 462. Л. 1.
- ⁶⁰ Там же. Л. 34, 46—47 об.
- ⁶¹ Там же. Д. 1167. Л. 4, 9—9 об.
- ⁶² Там же. Оп. 10. Д. 9. Л. 239.
- ⁶³ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1919. Л. 17.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 37. Оп. 1. Св. 18. Д. 211. Л. 56.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 38. Оп. 6. Д. 1. Л. 57.
- ⁶⁶ См.: Инженерный журнал. 1869. № 12. С. 295.
- ⁶⁷ ЦГВИА СССР. Ф. 492. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
- ⁶⁸ Там же. Д. 36. Ч. 1. Л. 23; Д. 37. Л. 16—17.
- ⁶⁹ Там же. Д. 36. Ч. 1. Л. 23 об.; Д. 37. Л. 18; Ф. 38. Оп. 10. Д. 9. Л. 24—30, 37.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 431. Л. 2.
- ⁷¹ Там же. Ф. 492. Оп. 1. Д. 31. Л. 1—4.
- ⁷² Там же. Л. 3.
- ⁷³ Там же. Л. 6—7.
- ⁷⁴ Анализ наиболее важных трудов см.: Бескровный Л. Г. Указ. соч.; Он же. Очерки военной историографии России. М., 1962.
- ⁷⁵ ЦГВИА СССР. Ф. 492. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 492. Оп. 1. Д. 39. Л. 60.
- ⁷⁷ Там же. Д. 40. Ч. 1. Л. 1.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 1919. Д. 16; Ф. 492. Оп. 1. Д. 43. Л. 6; Ф. 38. Оп. 6. Д. 175. Л. 4, 16 об., 22, 52.
- ⁷⁹ Там же. Д. 41. Л. 19.
- ⁸⁰ См.: Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952.
- ⁸¹ Картографическая литература отмечает, что всего в ВТД к середине XIX в. накопилось 2 млн. листов карт; для сравнения сообщается, что богатейшее картографическое Библиотеки Конгресса США имело после второй мировой войны около 1,5 млн. листов. См.: Салищев К. А. 1948 г. С. 164.

Издания Франциска Скорины в собрании ЦГАДА

Е. В. Лукьянова

470 лет назад вышли в свет первые издания Франциска Скорины (Библия. Прага, 1517—1519) — выдающегося белорусского просветителя-гуманиста, основоположника книгопечатания в Белоруссии и Литве, чьи идеи оказали влияние на общественно-политическую и культурную жизнь восточно-славянских народов, сторонника широкой системы образования, просвещения, веротерпимости. С его именем

связаны становление белорусского литературного языка и развитие белорусской письменности.

Франциск Скорина родился около 1490 г. в семье белорусского купца Луки Скорины из Полоцка. Первоначальное образование он получил, видимо, в Полоцке. В 1504 г. Скорина поступает в Краковский университет на факультет «свободных искусств», по праву называв-